

27 ноября отметил своё 85-летие прекрасный русский поэт, главный редактор журнала "Наш современник" **Станислав Юрьевич КУНЯЕВ**. Публикуя отрывки из его "Дневника III тысячелетия", мы поздравляем юбиляра, желаем ему здоровья, долгих лет жизни и новых творческих достижений!

Редакции газет "ЗАВТРА" и "День литературы"

В НАЧАЛЕ третьего тысячелетия я участвовал в избирательной кампании Сергея Глазьева. Борьба шла за должность губернатора Красноярского края. Приехали мы в заштатный городок Лесосибирск. Выступили несколько раз, а вечером хозяева повезли нас поужинать в лучшую, как они сказали, закусочную города. Накормили по-русски: местной рыбой, борщом, пельменями. Но когда мы выходили из этой закусочной, я оглянулся, прочитал горящее неоновыми буквами её название: "Оклахома" — и обалдел. Вот тогда я понял, что Глазьев, который, выступая, часто говорил о современном геноциде русского народа, выборы не выиграет.

С той поры "Оклахома" стала для меня символом нашего самооплевания, нашего лакейства и холуйства. При-

рой Толстой гениально выразил в её пляске под дядамишину гитару. Пушкин шутил, любя: "без грамматической ошибки я русской речи не люблю". Но это другое дело!

Литературный язык в пушкинское время ещё не устоялся. К тому же гениям позволено гораздо больше, нежели русскоязычным наглым ремесленникам: "Не ругайтесь! Такое дело! Не торговей я на слова". "Словно кто-то к родине отвык" (выделено мной, — С.К.). Так писал Есенин — хозяин русского языка, имеющий право говорить с ним на ты. А кто такая Рубина? Мелкая полуграмотная пакостница.

СЕГОДНЯ В РОССИИ есть "стопыпинское общество", и памятник ему поставлен, есть культ Столыпина, есть историки, убеждённые в том,

ПОЛЯКИ, проливая слёзы о Катыни, забывают о том, что многие советские красноармейцы, выжившие в польском плену после 1921 года (а выжило их только тысяч двадцать из восьмидесяти), стали кадровыми военнослужащими Красной Армии и частей НКВД и узнали в 1939 году среди польских военнопленных офицеров тех, кто в 20-м году замучил и уморил в концлагерях несколько десятков тысяч их соотечественников.

Не этого ли боялся великий польский поэт, лауреат нобелевской премии Чеслав Милош, когда писал:

*"Не трогайте катынские могилы, а то зашевельшася
пелел Едвабне и Освенцима,
закачаются еврейские надгробья
Парчева, Люблина и Кельце,
и под ветром разгорятся угли
Варшавского гетто!"* ?

Для незнающих читателей напомним, что в местечке Едвабне в июле 1941 года поляки, пользуясь тем, что советские войска оставили городок, загнали в громадный сарай около двух тысяч

шевики вскоре "откроют", что это мы расстреляли двенадцать тысяч польских офицеров. Эта история, несомненно, позднее нам ещё доставит хлопот. Советы сделают так, чтобы раскопать определённое число могил и возложить впоследствии ответственность за это на нас".

Об этих дневниках Геббельса польские историки молчат до сих пор и будут молчать вечно.

УТРОМ в больничной столовой рядом со мной за обеденный пластмассовый столик сел крепко сбитый, почти квадратный человек, плечи и грудь которого были покрыты седой, жёсткой, как будто бы кабаньей, шерстью. Схожесть с кабаном ему придавали маленькие глаза и могучие предплечья, на которых были изображены искусным татуировщиком то ли букеты цветов, то ли заросли неведомых мне растений, из которых высывались полуптички, ползуверины, полчеловеки морды существ, подобных химерам, украшающим Собор Парижской Богоматери. Короткая седая стрижка, чуть-чуть свалывшаяся на загривке,

— Арбайт демаштен фрахт!
— Работа освобождаёт! — обрадованно произнёс я.
— Вот именно! — холодно ответил он и ускорил шаг, явно показывая, что нам с ним больше говорить не о чем, и хлопнул дверь в свою палату прямо перед моим носом.

В "ЗАСТОЙНЫЕ" ВРЕМЕНА я, в отличие от диссидентствующих шестидесятников, рвавшихся на Запад, частенько "иммигрировал" в свою страну, в СССР. Подружился с геологами и несколько сезонов прожил в работе среди хребтов Тянь-Шаня и долины Гиссара, среди вечных льдов и альпийских лугов, среди громокопящих голубых рек, рычащих бурных селевых потоков, среди бедных, но полных достоинства и трогательных в своём гостеприимстве жителей высокогорных кишлаков, среди орущей, мушкетерской, загорелой, не жалеющей себя ни в работе, ни в глупе геологической, студенческой, шофёрской вольницы...

А иногда я месяцами пропадал в эвенкийской тайге, добираясь до крайних северо-западных "аннушук", на "вертушках", разглядывая в иллюминаторы дикие просторы: сопки, усыянные редколесьем тайгой, распадки, чёрные реки, медленными змеями впадающие в Угрюм-реку — Нижнюю Тунгуску, на берегу которой стояло зимовье рядом с двумя берёзами и овалыным калтусом, затянутым в октябрь сверкающим льдом.

Станислав КУНЯЕВ, Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ и Вадим КОЖИНОВ в Тотмье. Фото 1985 года

дешь в любой древний русский город — Калугу, Рязань, Воронеж, идёшь по центральной улице — магазины, рестораны, фирмы, и кругом: "Клондайк", "Эльдорадо", "Аляска", "Миссисипи"... Словом — сплошная Оклахома. И "Москва-Сити" — тоже Оклахома, и кофейня вместо тёплого слова "кофейня" — тоже Оклахома... А недавно, проезжая Рязань, я увидел совершенно запрелдильную алую неоновую надпись: "секс хаус". На фоне такой "оклахомы" точный перевод "секс хауса" как "публичного дома" воспринимается даже как нечто своё, родное, отечественное. Поневеле вспомнишь ещё раз пушкинское: "В отношении России Европа была всегда столь же невежественна, сколь и неблагоприятна".

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ практика писать диктанты у нас сохранилась. Правда, это один диктант на всю страну, и называется он "тотальным". Видимо потому, что произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Бунина и других классиков "тотально" изгнаны из употребления.

В сентябре 2016 года жители Ульяновска переизбрали на второй срок губернатора Морозова, того самого, который запретил три или четыре года тому назад в своей области использовать для диктанта текст из произведения русскоязычной писательницы Дины Рубиной, живущей в Израиле. Как возмутились тогда "жюльнарлисты" из "Новой газеты", из "Эха Москвы". "Вы за это заплатитесь!" — зывал один из них (кажется, Ганалопольский), обращаясь к Морозову.

А всё дело заключалось в том, что Дина Рубина в своих творениях часто балуется "матерком"... Рубина получила три премии "Большая книга", во многих интервью признавала себя еврейским писателем, но зачем нам, обладателям прозы Распутина, Астафьева, Белова, Личуткина, Лихоносова, выбирать тексты для тотального диктанта из романов вульгарной еврейской матерщинницы?

Об убийце Пушкина Лермонтов писал: "Смеяся, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы". "Нравы" — это обычаи, это вера, это традиции, это совесть. И всё это выражается в языке. Вот почему русский язык — одна из самых необходимых скреп русского мира.

Я помню наши диктанты и наши изложения (была такая форма учёбы: учитель читал текст, а ученики, каждый по-своему, излагали его на бумаге). Тексты диктантов и странички изложения обязательно брались из нашей великой классики — из "Капитанской дочки", из "Тараса Бульбы", из "Записок охотника", из "Обломова". Это одновременно было изучением и русского языка, и русской литературы, и русской истории, и русского православия, и вообще русской жизни.

Послевоенное радио добавляло к этим знаниям русские народные песни ("Степь, да степь кругом", "Раскинулось море широко", "Коробейнички", "Есть на Волге утёс"), добавляло русскую музыкальную классику — арии из опер ("Князь Игорь", "Евгений Онегин", "Садко"). А сколько мировой классики вливалось в наши души из чёрных репродукторов! Верди, Бизе, Бетховен, Гуно, Штраус. Какой там железный занавес!

Всё великое, талантливое, доброе, человеческое — входило в наш русский мир. Ворота были открыты. Неаполитанские песни, украинские песни, французские песни, южноамериканские песни — всё было нашим общим достоянием. Да, русская элита XIX века увлекалась французским языком, но Пушкин одновременно учился русскому языку у народа, у Арины Родионовны, у дворовых крестьян — иначе он не написал бы: "Что за прелесть наши песни и сказки!" Элита была, конечно, "офранцузжена". Пушкин это понимал, когда писал о своей любимой героине Татьяне: "Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала, и выражалась с трудом на языке своём родном". Но! Татьяна, русская душою, сама не зная почему, с её холодною красотою любя русскую зиму". Душа важнее языка. Татьяна, в сущности, родная сестра Наташи Ростовской, русскость кото-

то если бы Столыпин не был убит еврейским киллером, то он завершил бы свои реформы, и никакие революции в 1917 году не было бы...

А у меня перед глазами картина художника той эпохи, забытого передвижника Сергея Иванова: хмурое небо, степная дорога, на дороге стоит телега, возле неё на земле лежит умерший мужик, на его груди икона, а вокруг него безутешная жена и малые дети. Название картины — "Смерть переселенца"...

Крестьяне центральной России не хотели переселяться в Сибирь, куда Макары телят не гонял. Они чувствовали, что, приехав в Сибирь за даровой землёй в одиночку, став хуторянином или фермером, — в одиночестве, в бездорожье не выживешь. Им нужна была земля в центральной России, но без выкупа. Крестьяне моей родной Калужской губернии рассуждали так: "Спокон веков у нас заведён обычай, что на новое место идёт старший брат, а младший остаётся на корню. Так пускай в Сибирь или на Алтай поедут наши старшие братья, господа помещики, дворяне и богатейшие земледельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню, здесь в России". (Текст писем взят из книги А.Бушкова "Красный монарх", стр. 74-75).

Костромские крестьяне обращались к дворянам-землевладельцам с таким предложением: "Если вы очень уж хвалите Сибирь, то переселяйтесь туда сами. Вас меньше, а землю оставьте нам".

Им вторили орловские мужики: "Переселяться на казённые свободные земли в среднеазиатские степи мы не желаем. Пусть переселяются туда помещики и заводят там образцовые хозяйства" (там же).

Но лучше и глубже всех об этом историческом споре писал митрополит Вениамин Федченков, во время гражданской войны — главный духовник армии Врангеля, сам происходивший из крестьянской семьи: "Столыпину приписывалась будто бы гениальная спасительная идея так называемого хуторского хозяйства: это, по его мнению, должно было укрепить собственные чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение... Тогда я жил в селе и отчётливо видел, что народ против. Хутора в народе проваливались".

В нашей округе едва нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное".

Вспомним о том, как крестьяне села Константиново летом 1917 года готовятся к разговору с помещицей Анной Снегиной:

*Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даёшь, мол, твою угодыя
Без всякого выкупа с нас!*

А когда вожак константиновских мужиков Отлобин Прон вместе с Есениным ворвались в снегинский дом, то:

*Добелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про змею!.. без всяких слов.
"Отдай!.. —
повторял он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!"*

Есенину, свидетелю революции, я верю больше, нежели функционерам из стоплыпинского общества, недавно поставившим в Кремле памятник незадачливому автору крестьянской реформы.

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

СИКОВА — о поэтическом творчестве Евгения КАМИНСКОГО, Павла КРЕНЕВА, Вячеслава ЛЮТЫИ — о "Первозимье" Андрея ШАЦКОВА, Александр МЕДВЕДЕВ — о "Площади безумия" Юрия СЕРБА, Андрей СМОЛЕНЦЕВ — о романе Николая ПЕРЕЯСЛОВА. Как всегда, читатели могут ознакомиться с хроникой писательской жизни.

"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ", ведущую литературную газету России, спрашивайте в редакциях газет "День литературы" и "Завтра", а также в книжных лавках СП России (Комсомольский пр. 13), Литинститута (Тверской бульвар, 25), ЦДЛ (ул. Б.Никитская, 33). Наш телефон: 8-499-246-53-11, 8-916-015-80-69; e-mail: Denlitera@yandex.ru; электронная версия: http://denlit.ru/.

Главный редактор — Владимир БОНДАРЕНКО.

Вышел из печати, поступает к подписчикам и в продажу ноябрьский (2017, № 11), выпуск газеты "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ".

В номере — материалы Владимира БОНДАРЕНКО, Эдуарда АНАШКИНА и Елены ГАЛИМОВОЙ к 85-летию Станислава КУНЯЕВА, а также дневниковые записи юбиляра; публикации Александра БОБРОВА, Валентина КУРБАТОВА, Вячеслава МАКЕЕВА и Александра ФИЛИПОВА, воспоминания Владимира БОНДАРЕНКО о Владимире МАКАНИНЕ и Юлии ЕРЕМЕЕВОЙ — о Леониде БОРОДИНЕ, пародии Светланы СУПРУНОВОЙ. Евгений БЕРЕСНЕВ пишет о новой книге Игоря МОЛОТОВА, Светлана ВОЛКОВА — о стихах Сергея КОРБУТА, Иза КРЕКОВИЧ — о "Первозимье" Андрея ШАЦКОВА. Андрей СМОЛЕНЦЕВ — о романе Николая ПЕРЕЯСЛОВА. Как всегда, читатели могут ознакомиться с хроникой писательской жизни.

"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ", ведущую литературную газету России, спрашивайте в редакциях газет "День литературы" и "Завтра", а также в книжных лавках СП России (Комсомольский пр. 13), Литинститута (Тверской бульвар, 25), ЦДЛ (ул. Б.Никитская, 33). Наш телефон: 8-499-246-53-11, 8-916-015-80-69; e-mail: Denlitera@yandex.ru; электронная версия: http://denlit.ru/.

Главный редактор — Владимир БОНДАРЕНКО.

усугубляла родство этого человека со зверем.

Отстояв свою очередь к кухонному окну, мы взяли у поварахи Нины по тарелке овсяной каши, по кружке чая, по пластмассовой баночке йогурта и сели друг против друга за тесный столик. И тут с близкого расстояния я разглядел на его могучих бицепсах какие-то слова, которые от постоянного движения рук шевелились, что мешало мне быстро и незаметно прочитать их. А спрашивать у этого кентавра, что у него там выколото, было неудобно. Да и, честно говоря, я не особенно верил, что он ответит мне на человеческом языке. Хрюкнет что-нибудь — и все дела.

Однако когда его кто-то из толпящихся в столовой бедолаг окликнул, и мой человекообразный сосед повернулся на окрик вполоборота, я успел схватить глазами три слова на его предплечье и с удивлением понял, что эти слова немецкие, и к тому же известные всему цивилизованному миру: "Jedem das Seine", что означает в переводе на русский "Каждому своё", и возникли они как заповедь для всех несчастных, попавших в годы Второй мировой войны в Дахау или Освенцим... Открыв от изумления рот, я попытался было спросить у него, знает ли он смысл этой надписи, но язык мой присок к нёбу. А мой вебрь опрокинул за один раз кружку кефира в глотку, встал и коренастой расквашивающейся походкой на двух ногах пошёл к выходу. На нём были шорты, которые чуть было не лопались по швам от этой похочки, а на мясистых икрах я вдруг увидел ещё какие-то слова, тоже изображённые чуть ли не готическими буквами. Я рванулся за ним и догнал его в коридоре:

— Скажите, пожалуйста, — заикаясь от волнения произнёс я. — А что у вас написано на ногах?

Он повернулся ко мне всем торсом, поскольку у него не было шеи, а голова сидела прямо на плечах, и бесстрастно по слогам произнёс:

Меня встречал дед — Роман Иванович Фарков, два кобеля, Рыжий и Музгар, мы обнимались, от дёда терпко пахло ондатровыми шкурами, рыбой, солью... Он тащил меня в зимовьюшку, где на столе уже лежала уха, поблёскивали в миске мороженные сжики да харюсы. И начинались наши бесконечные разговоры о жизни, об охоте, о детях и внуках.

Каждый день с утра мы бороздили тайгу по аршимам и путикам, задыхаясь, мчались на лыжах к далёким листовницам, куда наши кобели с лаем загоняли царственных соболей. А в иные дни красными, словно варёные раки, руками трясли на озёрах сетки, вытравливали на лёд серебряных карасей и снова опускали снасти в лунки, заполненные тёмной, тяжёлой водой.

А вечерами — долгими зимними вечерами при патриархальном свете керосиновых лампы — в зимовье текли нескончаемые наши разговоры о крестьянской жизни в 20-30-е годы, о раскулачивании, о репрессиях, о войне, о плене, в котором побывал дед... Обо всей громадной нашей жизни мы толковали в старённом зимовье с расклевлёной печуркой, сваренной из железной бочки, под звонкие разрывы древесных стволов: от пятидесятиградусного мороза лопались на берегу калтусы берёзы.

...А в другие времена я уезжал на чёрную ледниковую реку Мерга, шумно идущую в Белое море, подымался с местными ребятами на карбасе к её истокам, ловил сёмгу, жил в палатке, либо под исполненными шатровыми, не промокающими во время дождей елями слушал и запоминал бесконечные рассказы о том, как их предки добивались сюда по Мезени и Пинеги, как ставили в устьях рек поморские деревушки, рубили из ливастяка церкви, как через их деревни бежали мужики, которыми были тогда новоденные архангельские пристани — их отправляли на Соловки. Но что смел да удал — уходил из-под вохровских взглядов навстреч солнцу, на Восток, добирал до деревень Майда, Мерга, Ручьи, где поморы советовали скитальцам: идите по рекам на юг, в старушкины скиты. Но и там экзавдзашники находили их, а скиты рушили огнём, как во времена Аввакума.

Сидим на берегу Мергы, толкуем... А гуси, прорезая полосу северного сияния, летят с Канина носа. Их рыдающий крик стелется над болотами и озёрами. А самих птиц не видно в тёмном сентябрьском пространстве, пока извилистый клин не попадёт в струю дрожащего зеленоватого-лилового сполуха... Чёрные трёхметровые обетные кресты, поставленные на краю обрыва, под которым шумит река, словно врезаны в тусклое северное небо...

Александр ПРОХАНОВ, Сергей ГЛАЗЬЕВ, Виталий АВЕРЬЯНОВ, Михаил ДЕЛЯГИН, Леонид ИВАШОВ, Иван ОХЛОБЫСТИН и др. "Русский реактор. Новый запуск" ("Коллекция Изборского клуба"). — М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2017. — 288 с.

В МИРЕ существуют два типа энергии: энергия синтеза, энергия созидания — и энергия распада, энергия хаоса. Пока человечество за тысячелетия своей истории преуспело в использовании энергий второго типа: от энергии огня до энергии деления ядер атомов урана и трансурановых элементов. Энергии первого типа всё ещё недоступны нам — за исключением энергии водородной, термоядерной бомбы, где использованы те же физические процессы, которые обеспечивают излучение звёзд, включая наше Солнце. Поэтому в энергетической матрице нашей цивилизации продолжает зиять незаполненная "дыра": мы умеем использовать энергию распада материи для целей и уничтожения, и созидания, мы научились даже использовать энергию материального синтеза для целей уничтожения, но пока не можем использовать их так, как должно: для целей созидания. А без заполнения этой "дыры" все мы, наверное, не можем считаться человечеством в полном смысле этого слова.

И хотя учёные уже задумались о перспективах субъядерной, "кварковой" энергетики, хотя то здесь, то там возникают слухи о "приручении" реакций "холодного" термоядерного синтеза — всё это весьма далеко от обозначенной выше задачи. Во всяком случае — что касается физического, материального мира. В мире же идей и знаков, по счастью, всё обстоит не настолько печально. Те же тысячелетия человеческой истории дают нам величайшие примеры противостояния энтропии и хаосу — сохранённые и пронесённые сквозь пространство и время. Каждая из цивилизаций, каждая из культур являет собой и артефакты, и принципы такого противостояния, по которым эти артефакты создавались. Русская цивилизация в данном отношении — вовсе не какое-то исключение из правил, "тупиковая ветвь эволюции", на чём настаивают и что пытаются всеми способами доказать, прежде всего, наши западные "партнёры". Напротив, она является одним из самых успешных и эффективных вариантов противостояния и преодоления энтропии в категориически неблагоприятных внешних условиях.

Ещё одним подтверждением данного тезиса может служить появление коллективной монографии участников и экспертов Изборского клуба, посвящённой истории и перспективам работы этого цивилизационного механизма, который, благодаря блестящей прохановской метафоре, получил название "русского реактора". Впрочем, почему только метафоре — ведь она появилась не на пустом месте, а в результате всего жизненного и творческого опыта Александра Андреевича.

Доказательства? Да пожалуйста!

Где кончаются границы России? Там, где кончаются границы России, сразу начинается Царствие Небесное. А где кончается Царствие Небесное — начинается Россия. Нам предстоит великие деяния, предстоит зажечь в нашей жизни лампаду божественной справедливости, изгнать всю тьму, всё злодейство, всё лихоимство, всех отравителей наших колодезь, всех, кто грабит наши богатства, как тать в ночи. Мы двинем вперёд нашу русскую цивилизацию, осуществим долгожданное развитие. Русский реактор работает — и энергия его непомерна.

Что запустил этот русский реактор? Быть может, его запустил Владимир Путин? Это он пришёл в разорённый машинный зал, соединил провода, установил генератор, заложил в драгоценный корпус могучее топливо?

Быть может, всё это так. Но иногда мне кажется, что русский реактор запустил самого Владимира Путина. Этот реактор, полыхнув вначале как малая искра, сейчас разгорается, рождает среди народа героев, творцов. И это разгорающееся, наполненное светом государство создало и Путина, ведёт его, способствует ему, оберегает от бед и ошибок, останавливает у опасной черты, прокладывает русскому народу дорогу в мировой истории...

Дух дышит, где хочет. Сегодня он дышит в России".

"Заключение духов?" "Исторический спиритизм"? Утопические фантазии? Галлюцинации?

Нет, так и есть. Великая Октябрьская революция 1917 года тоже казалась несбыточной утопией всего за несколько месяцев до её совершения, больше века назад, и кажется несбыточной утопией сегодня, через 25 с лишним лет после того, как погибло созданное в её результате государство — Союз Советских Социалистических Республик. Но наши мечты рано или поздно облекаются плотью и кровью, начинают дышать и жить собственной, уже вроде бы и не зависящей от нас жизнью. Со своими собственными проблемами, трагедиями и победами. Но поиск и отладка технологий этого преобразования всё равно начинаются с мечты о нём. Только умение мечтать об идеале, готовности, несмотря ни на что, следовать своим мечтам обещает сделать человека человеком, со-творцом этого мира и, возможно, других, пока ещё неведомых нам и непредставимых нами миров.

Настоящее, то же самое чувствует и скрытый за интернет-прозвищем автор, написавший

*привет пишу тебе из детства
мне тут сказали что ты там
забыл про смысл и изменяешь мечтам*

"Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царствие Небесное", — сказано в Евангелии от Матфея. Энергия мечты (не желания, похоти, но мечты) — высшая энергия созидания. Русский реактор будет работать только на этой энергии.

Георгий СУДОВЦЕВ

«РУССКИЙ КАМЕНЬ»-2

Новый роман
главного редактора «ЗАВТРА»

В НАЧАЛЕ НОЯБРЯ в издательстве "Книжный Клуб Книговец" вышло продолжение полюбившегося читателям романа Александра Андреевича Проханова "Русский камень". Новая книга называется "Покайтесь, ехидны!" и состоит из главок-историй (сам писатель называет их комиксами), повествующих о фантазматических приключениях уже знакомых персонажей и новых героев — жрецов и адептов "Эхос мундих". Название книги отсылает к Новому Завету, а содержание прямо указывает на сегодняшних фарисеев. Для всех читателей газеты "Завтра" издательство предлагает приобрести оба романа, вместе или по отдельности, со скидкой 25% на сайте knigovek.ru по промо-коду ЗАВТРА (прописными буквами). Скидка действует неограниченное число раз на неограниченное количество экземпляров. Приятного чтения!